

Иероним Ясинский

Тайна Оли

Иероним Иеронимович Ясинский

Тайна Оли

Аннотация

«Гимназист, чёрненький и худенький, робко вошёл, поклонившись у порога ярко освещённой столовой, и бросил по сторонам близорукий взгляд. Старичок, небольшой, лысый, с огромными бровями и белыми усами, торчащими щёткой на оттопыренных губах, вывел его из затруднения. Он приблизился к нему мелкими шажками, держа меж пальцами короткую дымящуюся трубку, хриплым баском заявил, что очень рад гостю, подвёл его к своей дочке и сказал:

– Вот, Оля, рекомендую... Товарищ нашего Кости... Как вас?..»

Иероним Ясинский

Тайна Оли

I

Гимназист, чёрненький и худенький, робко вошёл, поклонившись у порога ярко освещённой столовой, и бросил по сторонам близорукий взгляд. Старичок, небольшой, лысый, с огромными бровями и белыми усами, торчащими щёткой на оттопыренных губах, вывел его из затруднения. Он приблизился к нему мелкими шажками, держа меж пальцами короткую дымящуюся трубку, хриплым баском заявил, что очень рад гостю, подвёл его к своей дочке и сказал:

– Вот, Оля, рекомендую... Товарищ нашего Кости... Как вас?

Гимназист, улыбаясь, шаркнул ножкой и сделал, для равновесия, жест свободной рукой.

– Николай Николаич Зарчинский, – произнёс он.

Оля кивнула ему русой головкой. Он подумал: «Кажется, я веду себя прилично», и, откашлявшись, хотя и не чувствовал в горле ни малейшей неловкости, сел.

Оля принялась за прерванную еду – за сыр и молоко.

– А вы что же насчёт даров сельской природы? – спросил старичок гимназиста. – С дорожки, с дорожки! Подкрепи-

теть!

Ноги Николая Николаича вежливо шаркнули под столом; улыбаясь, он возразил, что не хочет, потому что ест только раз в день; но чаю выпьет.

Прихлёбывая из стакана, он живо заинтересовался Костей, о котором старичок сообщил ему все необходимые сведения.

– Этакий он смешной! Прислал письмо, зовёт, а сам исчезает. Так на всю ночь уехал? У него ружьё есть? То-то наслаждается! На островах, должно быть, очень хорошо. Костёр горит, казанок кипит...

Но тут Николай Николаич забыл о своей аскетической привычке и стал набивать рот «дарами сельской природы».

Оля была прехорошенькая. Яркие губы её – чуть-чуть вздуты, нос, прямой и короткий, – тонко очерчен; а длинные ресницы придавали её глазам умное выражение. Ей, наверное, было пятнадцать лет. Николай Николаич с ней не заговаривал, обращая вопросы к старичку, который курил, добродушно пошучивая, и придавливал золу пальцем, по-солдатски. Оля сама первая заговорила с Николаем Николаичем.

– Вы в котором классе? Вместе с Костей?

– Нет, я в четвёртом, – отвечал гимназист. – Он на два класса ниже меня...

Николай Николаич откинулся на спинку стула, с серьёзным видом.

– Так какой же вы ему товарищ!?

– А, мы с ним друзья! Мы с ним даже тритонов ловили...

– Что-о?

– Ящерички такие водяные. Мы, знаете, завязали в рубашке рукава и потянули как неводом... Там, под Нежином, лужа есть... А вдруг едет Белобров... инспектор... Ну, конечно, обоим досталось... посидели в карцере...

Он смеялся и показывал зубы, крупные и белые.

Глаза Оли улыбались. Старичок тряс плечами, и его глаза, казалось, бросали из-под бровей, нависших как иней на деревьях ласковые лучи.

– Кто же рубашку снимал? – спросил он, держа во рту чубук.

Гимназист покраснел.

– Я.

Старичок рассказал кстати, как, во время похода, такой же способ, только при помощи другой части костюма, был употреблён его денщиком, Степаном. За ночь попался окунёк. Весь полк хохотал. Продувная бестия был этот Степан.

Оправившись от смущения, гимназист заметил, что на стол принесли блюдо жареных цыплят: красная рука горничной, с медными и серебряными кольцами на мозолистых пальцах, поставила возле него тарелку и положила ножик и вижу.

Жаль, что он объявил о своей воздержности! Цыплята – превкусная вещь. Но тут он вспомнил, что уже ел и сыр, и масло, и как только последовало приглашение, взял, не стес-

нясь, целого цыплёнка и съел.

После ужина из столовой перешли в гостиную. Гравюры, висевшие на стенах гостиной, изображали генералов в треуголках и белых рейтузах, на конях и пешими. Широкие кресла стояли у круглого стола, казалось, радушно раскрыв свои объятия, а диван сохранял позу сытого существа, которое не в состоянии сложить на животе коротеньких ручек и дремлет в сладостной истоме, уронив назад голову. В окна смотрела ночь.

«Вероятно, вареньем будут угощать... или хоть земляничкой... с сахаром»... – подумал гимназист, заметив, что Оля шепчется со старичком у двери в следующую комнату, чёрную от темноты. Но девушка подошла к нему и спросила:

– Вы не хотите спать?..

– Я не хочу, – поспешил ответить Николай Николаич и любезно улыбнулся.

– Папа всегда ложится в десять часов... – заметила Оля, прислушиваясь к лаю собак. – Так что вы извините его...

– Помилуйте!.. Как можно... А вы когда?

– Как случится... – сказала Оля и села. – Папа! – крикнула она. – Ты иди себе... Спи уже. Ему тут без тебя постелют...

– Да, да... На боковую, дети! Розовых снов! – ласково проворчал старичок, уходя.

Николай Николаич встал, громко пожелал ему спокойной ночи и опять забрался на диван.

– Вы тут и спать будете... – объяснила Николаю Никола-

ичу Оля. – Где ваши вещи?

– В передней...

– Подушка, одеяло?

– Нет, со мной, главным образом, труба...

Оля сделала широкие глаза.

– Какая?

– Телескоп, – ответил гимназист равнодушно, ероша на затылке волосы. – Для наблюдения за небесными светилами... Я её всегда с собою беру...

– Что же в неё видно?

– Всё... Горы на луне... Овраги... Звёзды так и бегут...

Яркие-яркие!! Вы никогда не смотрели?

– Никогда.

Лицо Оли с ожиданием повернулось к нему.

– Покажете?

– С удовольствием... Сейчас.

Он выбежал из гостиной. Оля пошла за ним.

Николай Николаич был несколько ниже её. Красный воротник резко отделялся от его волосатого затылка. На талии одиноко сверкала пуговица. Он был стройный мальчик, красивый, и Оле он понравился.

– Вот!

Астрономический инструмент Николая Николаича состоял из большой трубки, деревянной и полированной, с металлическими выпушками по краям. Трубка раздвигалась. Из неё вытаскивалась другая трубка, покороче, медная, потом

третья и четвёртая. Она напоямила Оле те свёртки, которые держали в руках скачущие генералы. Она взяла трубу, осмотрела, нацелилась на лампу и, улыбувшись, отдала гостю.

– Вблизи не видно, – объяснил он, хмуря брови, – но вдаль – удивительно... Всё как на ладони... За семь вёрст! Пойдёмте к окну.

Они озабоченно вернулись в гостиную и расположились у открытого окна. Тёплая тьма пахнула на них резедой и лесом, звёздочки пронизывали там и сям мрак ночи.

– Жаль, что луны нет, – сказал Николай Николаич, любясь впечатлением, которое производит на Олю созерцание неба в трубу.

Он сидел на стуле, упираясь локтем в подоконник. Труба лежала в его руке. Оля нагнулась, закрыв левый глаз пальцами. Другой рукой она держалась за плечо Николая Николаича.

– Ну, что вы видите? – спросил он вполголоса, со снисходительной улыбкой.

– Звёздочку...

– Что ж она?

– Прыгает как-то странно...

– Я вам говорил! – в восторге закричал Николай Николаич. – Ну, а большая?..

– Не особенно...

– Дайте-ка я посмотрю...

Но Оля не отрывала глаза от трубы.

– Дайте-ка! – проговорил он, впиваясь ревнивым взглядом в её лицо.

– Чем дальше, тем она всё скорее... – заметила Оля и усмехнулась с наивным наслаждением.

Горло Николая Николаича сочувственно сжалось.

– Этой звёздочки я никогда не видел, – сказал он нетерпеливо.

– Я сама... Мне кажется, она красная...

– Красная? – переспросил он с тоскою.

Оля отстранилась.

– Вот, посмотрите...

Он приник к стеклу, вооружившись трубой без посторонней помощи – в качестве самостоятельного астронома.

Они долго смотрели на звёзды. Наконец, пробило двенадцать часов.

Оля встрепенулась.

– Спать пора!.. Только кто вам постелет?.. Алёну уже не разбудишь... Так что ж!.. Вот ещё... Стелите сами! Сейчас принесу постель.

Она вышла и вернулась с простынёй, красным одеялом и огромной подушкой.

– Впрочем, я сама постелю, – сказала она.

Он стал церемониться и хотел отнять простыню. Оля погрозила пальцем.

– Не шумите. Принести полыни? Мы этим спасаемся от блох.

– Дурно пахнет, – заметил Николай Николаич.

– Какой неженка!

Подумав, она вынула из петли на груди розу, ощипала лепестки и шутливо бросила их на подушку.

Николай Николаич пожал ей руку.

– Может быть, хотите спрятать трубу? – спросил он.

– Зачем?..

– Так...

– Ну, давайте... А то, в самом деле, Костя явится утром, увидит и испортит... Спокойной ночи!

Николай Николаич лёг и заснул.

Генералы, казалось, продолжали идти и скакать. Они шли и ехали цугом, по кругу как в цирке и сонно мигали. Вошла Оля, придерживая руку на груди и пугливо поглядывая на диван. Губы её приблизились к оплывшей свечке, лицо сверкнуло, вместе с белым горлом и белыми плечами, и потухло. Генералы исчезли. Всё завертелось в сумраке, густом как ночь. Но вдруг блеснула светлая точка и разрослась. Оля стояла перед Николаем Николаичем и держала поднос с вареньем: крупные ягоды плавали в малиновом сиропе. Костя, со злым лицом, целился в поднос огромной лягушкой. Николай Николаич в испуге спрятался за Олю и присел, спешно пожирая варенье горстями.

Солнце брызнуло, и Николай Николаич проснулся. В открытом окне горело лазурное небо. Тополи, облитые жарким светом, зеленели. Орал петушок. На белом полу блесте-

ли шляпки гвоздей точно гривеннички. Генералы неподвижно таращили глаза.

Вбежал Костя, румяный, белоголовый, со звонким хохотом. Он протянул руки. Товарищи обнялись и неистово расцеловали друг друга.

II

Гаврила Иванович, между тем, сидел за чайным столом и глубокомысленно покуривал трубочку. Он рассказывал Оле анекдот о солдате, ответившем, не задумываясь, на вопрос начальника, сколько звёзд на небе. В своём роде, это был остроумнейший нижний чин.

Николая Николаича приветствовали как старого знакомого.

Волосы его были припомажены, сюртук вычищен и застёгнут на все пуговицы. Пушок на лице золотился в луче утреннего солнца, губы улыбались. Он сам подошёл и пожал руку Гавриле Ивановичу и Оле.

Оля была в малорусском костюме и в свежих цветах. Тонкие руки её с розовыми кистями, обнажённые вплоть до локтей, умело обращались с посудой и чайным полотенцем.

Костя, в синей куртке и белых штанах, уселся на стул, рядом с гостем, и начал повествовать о том, как была им проведена ночь на островах. Вместе с Грицьком он наловил раков. (Вот ранка на пальце. Это рак укусил, чёрный, большущий).

Соль забыли взять и ели их без всего. А сколько уток! Видимо-невидимо! Чирёнка жарили в бумаге под золою и съели тоже без соли. Грицько чудесно представлял журавля и ходил вверх ногами. Караси в Большом Гомине перевелись. А в Малом – вот этикие. Честное слово!

Костя был крепыш, с выпуклыми мускулами, большим лицом, низким лбом и маленькими глазами, голубыми как бирюза. Сидел он беспокойно, раскидывал локти, болтал ногами, хлопал по плечу Николая Николаича, бросал в сестру шариками.

– Сено покосили? – спросил его Гаврила Иванович, накладывая новую трубочку и с удовольствием поглядывая на небо.

– Чтоб у меня да не покосили! – сказал Костя и, повернувшись к другу, так что затрещал стул, продолжал рассказывать о ночлеге на островах. – Поедем когда-нибудь... Ты увидишь, брат, что это за чудо... Ах, брат!

Глянув в сторону, он подбежал к окну и, лёгши на подоконник, вдруг закричал грубым голосом:

– Грицько, Грицько! Чёртова перечница! Привяжи коня... Привяжи коня, ддяво-ол!

Лицо его покраснело. Но он быстро успокоился: лошадь была поймана.

– Ого-го, коська! – произнёс он ласково. – Ну, что, – спрашивал он авторитетно, – голубей кормил?..

– Кормил, Костятин Гаврилыч...

– А лисичку?..

– Лисичку нет...

– Коля, – сказал он, обернувшись, – хочешь покормить лисичку?

– У тебя лисичка?! Хорошо... что ж...

– Дай напиток ему чаю, – нетерпеливо сказала Оля, подавая Николаю Николаичу стакан.

Гаврила Иванович глядел на детей, посмеиваясь в своём дымном облаке. Он вспомнил, с каким восторгом Оля рассказывала рано утром о трубе и звёздах. Ему захотелось сделать причастным этому наслаждению и Костю, и он сообщил ему о необыкновенном инструменте Николая Николаича.

– Труба? – спросил живо Костя. – Такая, что приближает? Э, брат! Так ты покажи!.. Я, может, у тебя её куплю... Э!..

Николай Николаич покраснел. Он не намерен продавать её. Его волнение отразилось и на лице Оли.

– После чаю, – сказала она, в ответ на его взгляд.

– Что после чаю? Она у тебя, Олька? Скажите, пожалуйста!.. Хха-ха!

– Николай Николаич, кажется, очень дорожит ею, – скромно сказала Оля.

– Да, это мне мамаша подарила... – пояснил тот, опуская глаза.

– Всё равно, брат, покажи...

Оля пошла в свою комнату и нехотя вынесла трубу. Костя схватил её обеими руками.

– Ишь ты... Вот так штука!..

Николай Николаич улыбался, не спуская влажного взгляда со своего сокровища. Оля тревожно следила за братом.

«Сейчас разобьёт, – думала она с ужасом. – Сейчас»...

– Не так! – крикнула она.

Гаврила Иванович взял трубу у сына, раздвинул и научил, как смотреть. Николай Николаич, в свою очередь, вмешался и показал, как навинчивать гайку, чтоб каждому было по глазам. Костя увидел воробья на дереве и радостно воскликнул:

– Ах-ха-ха. Все пёрышки... Ишь, головкой вертит... Ах!.. Что если посмотреть с горы?.. Коля?.. Пойдём, Коля? А? Папа!..

Гаврила Иванович махнул рукой.

– Ну, что мне... куда мне...

Костя, нахмуривши белые брови, побежал. Потом, обернувшись, он сказал с таинственным видом, кивая подбородком:

– Должно быть, с горы чуде-есно!..

На дворе на Николая Николаича напали собаки. Оля toppала ногами, кричала:

– Пшли вон! Жулька пшла!

Николай Николаич был бледен, и Оля взяла его за руку.

Костя исчез. Они прошли тополевую аллею, тянувшуюся от крыльца полукругом, прошли лужок и взобрались по ви-той тропинке на высокий холм, поросший сиренью.

Кругом холма до горизонта зеленели деревья, сливаясь в сплошной ковёр. Местами он выпячивался, бугрился, местами проваливался. Блестела роса. Над далёкими прогалинами и оврагами лежал лазурный дымок. Неслись голуби, сверкая белыми крыльями. Кости нигде не было.

– Ах, этот папа! – досадливо сказала Оля. – Зачем он...

– Неужели испортит? – спросил Николай Николаич с тоской.

– Не думаю... Но...

Вдруг Костя загорланил. Оля подняла голову.

– Вот он!.. – радостно сказала она, указывая на дерево. – Посмотрите, на милость. На этакую высоту! Как тебе не стыдно, Костя!..

– Коля, полезай ко мне!.. – кричал Костя, швырнув в сестру веткой. – Острова видны, Десна!..

Николай Николаич улыбнулся, измерив дерево испытующим оком.

– Вы полезете? – спросила Оля, не глядя на него.

– А что?

– Так...

– Дурак будешь, если испугаешься... Тут, брат... Ах, брат... Не слушай бабы! Лезь!

И в Олю опять полетела ветка.

Николай Николаич смотрел вверх, раскрыв рот; там, в сквозной листве, горела огненным пятном медь его трубы.

– Я полезу, – сказал он нерешительно.

– Как угодно, – отвечала Оля.

– Вы простите, я сниму сюртук, – смелее заявил Николай Николаич.

– Сделайте одолжение, – холодно произнесла Оля и отошла, ощипывая цветок.

Но сейчас же вернулась.

– Послушайте, Николай Николаич, – сказала она застенчиво, – ведь вы не маленький мальчик... Не делайте этого... А трубу он сейчас отдаст, – прибавила она весело. – Костя! – крикнула она. – Пойду выпущу лисичку!.. Слышишь, слезай!.. Слышишь?..

Она с угрозой подняла палец, отбежав. Костя захлебнулся в потоке ругательств.

– Только смей! – горланил он, быстро слезая. – Только попробуй, баба... Бабуин!

Спрыгнув на землю, красный, с искрящимся взглядом и выдвинутой челюстью, он продолжал ругаться, потрясая кулаком.

Кончилось миром. Оля сказала, что пошутила. Николаю Николаичу Костя возвратил трубу, и сообща были осмотрены окрестности. Дети увидели парус на Десне, церковь, крест которой тускло горел в бледной дымке, разглядели блестящую полосу, оказавшуюся озером, и Костя, голосом, хриплым от недавнего негодования, уверял, что различает даже уток, которые кружатся над водой.

Был приглашён Грицько. Все ожидали, что этот мужик с

чёрной шеей, толстой и низкой, и потрескавшимися ногтями, по меньшей мере упадёт в обморок от удивления. Но он нагнулся, зажмурил оба глаза, и объявил, что ничего не видит. «Не так», – сказала Оля со смехом. Он посмотрел в другой раз. «Десна», – объявил он равнодушно и, повернувшись и сплюнув, медленно ушёл, растирая табак между ладонями.

Николай Николаич, презрительно усмехнувшись, сложил трубу и подал Оле, которая взяла её и, спрятав под передник, сбежала по тропинке. Приятели остались вдвоём.

– Дурак твой Грицько! – сказал Николай Николаич.

– Эх, а ты обабился! – с сожалением произнёс Костя. – Зачем трубу отдаёшь Ольке?

– Пусть... Что ж...

– Если б у меня была такая труба, я тебе сейчас подарил бы... А ты вот трясешься, в руки боишься дать... Ну, хорошо же...

Они помолчали.

– Пойдём лисичку кормить... Может быть, ты захочешь поменяться... – сказал Костя тоном надежды.

Однако, лисичка не соблазнила Николая Николаича. Зоология мало интересовала его. Все его научные симпатии сосредоточивались на небе. Он не завидовал Бюффону, но мечтал о славе Галилея. Тогда Костя повёл его в свою комнату и показал перепелиный вабик, крошечную двустволку, кремнёвый пистолет, патронташ. Глаза у Николая Николаича разгорелись, но и тут он остался верен астрономии. Костя

покраснел, нахмурился и молча лёг на кровать, сложив руки под затылком. Гость сидел, глядя, как мухи бьются о стёкла окна, и вздыхал.

– А впрочем, Бог с тобою, Колька! – крикнул, вскакивая, хозяин. – Мы не бабы, чтоб ссориться. Поцелуемся! А теперь бери, брат, пистолет, а я ружьё. Наделаем сейчас зарядов, и гайда!.. Пойдём бить уток... Возьмём луку, хлеба, соли... Эх, брат!..

Нагнувшись, он стал поднимать друга, багровея от напряжения.

Ш

Оля ходила между клумбами, поливая цветы. Она видела, как за изгородью мелькнули фуражки гимназистов, и стала прилежнее лить воду, падавшую из лейки серебряным дождичком. Лилии и розы, казалось, тянулись к лейке, и шаловливо вздрагивали анютины глазки, купаясь в студёных брызгах. Клумбы пестрели на бугре, плавно спускавшемся к фруктовому саду, недалеко от большого леса, который стеной стоял над глубоким оврагом. В саду была беседка из берёзовых прутьев, по которым змеился хмель. Резеда ярко пахла в прозрачном воздухе. Оля обошла все клумбы, набирая воду из бочки, возле дома. Взгляд её был задумчив, и иногда она широко раскрывала глаза, точно к чему-то прислушиваясь. Бросив лейку, она забралась в беседку и легла

там на низенькой скамейке.

Голова её чуть-чуть кружилась. Оля чувствовала, как лёгкий ветерок шевелит на затылке её волосы; сладкая тоска сжимала ей грудь. Отчего плакать хочется? Весною, когда пригрело солнце, и в овраге заревела вода, и рухнул снег, а на деревьях вспухла лиловая почка, и прилетели ласточки, ей захотелось уйти куда-нибудь далеко-далеко, одной, и умереть там, припав в восторге к цветущей земле. Она, бывало, долго стоит в лесу, над обрывом, крепко обняв одной рукой молодой дубок, и слёзы струятся из глаз... Вот и теперь опять её тянет к себе та необъятная даль.

Полусомкнув томно ресницы, Оля неподвижно смотрела в пространство. Солнце стояло ещё невысоко. Оля поднялась с места и медленно направилась к дому. На балконе, под навесом, сидел Гаврила Иванович и читал «Сын отечества».

– Что, папа, нового?

Старичок рассеянно посмотрел на неё и ничего не ответил. Он к политике относился серьёзно. Оля вздохнула и пошла дальше.

Её комната вся была в тени, и только на пол из гостиной падал солнечный луч узкой лентой.

Здесь жила когда-то мамаша. Обстановка комнаты была простая: комод с медными ручками, гардеробный шкаф, гарусная картина, изображающая мальчика, заснувшего, с обрубком в руке, на собаке, киот с множеством образов и венчальными свечами, книги в старинных переплётках; кровать,

узенькая, с множеством подушек и подушечек и двумя ковриками, розовые ширмы; портрет молодой женщины, в локонках, с бледным лицом и приветливой улыбкой.

По этому портрету в уме Оли сложилось представление о покойной матери как о безгранично-добром существе, и она относилась к её неясному облику с религиозным чувством.

Но теперь ей всё равно. Связь с дорогим призраком ослабла. Он потускнел. Она одна, и холодно кругом, и нет сочувственного объятия. Её мысли реют в странном мире...

Оля ходила, положив ладонь на ладонь. Подойдя к зеркалу, она остановилась. Её потянуло взглянуть на себя: круглое лицо, на длинной шее, белой и тонкой, посмотрело на неё оттуда с наивной грустью. Синие глаза её вспыхнули самодовольно. Она усмехнулась.

«Мне очень идёт малороссийский наряд, – подумала она. – О, да какая я большая!»

Она дотронулась рукой до груди, покраснела, закрыла лицо рукавом и бросилась на кровать, чтоб скрыть в подушке пылающий румянец.

Но ей опять не лежалось. Оля встала, взяла соломенную корзинку, накинула платочек на голову и вышла.

Овраг начинался сейчас за беседкой. Отвесная тропка, желтея, бежала вниз. Дно блестело: широкий луч свободно проникал туда и рассыпался по белому песку.

Зелёные поросли ласково били Олю по ногам. Она свернула в сторону: на крутом склоне росла земляника. Там и

здесь раскидывались её пушистые листики, по три вместе, и ползли красноватые усы.

Оля хотела собирать ягоды, но мечтательная лень мешала ей. Она задумчиво сидела, сложив руки на коленях; крик иволг разносился по лесу звучными переливами или переходил в тревожный шум; прямо – меж редко стоящими стволами, зеленели, на том берегу оврага, берёзы. Даль манила к себе.

Оля отыскивала тропку и спустилась на дно. Ручей золотой змейкой извивался и журчал у самого откоса, то пропадая в тени орешника, то выныряя и сверкая как серебряный. Бледные цветы, на высоких ножках, с мохнатыми листьями, поднимали к небу головки, неясно отражаясь в зыблющемся зеркале ручья.

Пёстрые камешки лежали на дне, где струились солнечные тени, и мелькала как стрелка крошечная рыбка. Оля перескочила через ручей и стала взбираться наверх. Здесь как и там ей были знакомы все деревья, все кустики. Она с тоской обняла взглядом белые стволы, светившиеся прозрачным блеском в зелёном сумраке. Вот эта берёза много лет забавляла её своим видом, напоминая худенького великана, откинувшего стан и важно подбоченившегося. Вот две берёзки, которым она дала название «мужа и жены». Кругом стояли их чистенькие дети, в зелёных платицах, на тоненьких ножках. Вот дерево, разбитое громом. Оно до сих пор какое-то оторопелое... Оля вздохнула и запела. Эхо подхва-

тило последнее слово её песни. «Козаченько, мій миленькій»...

Показался новый овраг. Свежая трава ярко зеленела на его отлогом спуске, на дне синело озеро, в котором опрокидывался лес. Оля, сама не зная отчего, стала плакать. Она припала к земле и долго лежала так, не понимая, что с нею...

А солнце пекло. Она подняла голову.

«Глаза, должно быть, у меня очень красные. Если бы Костя увидел, то поднял бы на смех. Я – дурочка».

Ей захотелось выкупаться. Она разделась, и когда она бежала, серебряная иконка прыгала на её голой белой груди. Бух!! Вода вспенилась. Оля поплыла, шумно ударяя ногами.

Она вернулась домой к обеду, весёлая, свежая, с полной корзиной ягод. За вторым оврагом она встретила Николая Николаича и Костю. В нитяной сумке их болтался воробей. Впереди бежал Дунай, старый пёс, солидно оскалив зубы. Оля пожалела воробья, потрепала по спине Дуная и пошла рядом с Николаем Николаичем, молча взяв у него тяжёлый пистолет и патронташ.

IV

Время шло. По вечерам приятели наблюдали звёзды. Предпринимались далёкие прогулки. Костя вскакивал иногда на неосёдланную лошадь и бешено мчался, а Оля сжимала руки и выразительно смотрела на Николая Николаича,

не отрывавшего от молодцеватой фигуры друга загоревшихся глаз. Ездили на острова. Посетили местечко Затишное и сделали визит барышням Бруевичевым.

Старшей из них было лет двадцать пять. Снисходительная улыбка словно увядала на её губах, и взгляд её был меланхоличен как у выздоравливающих. Она подала обе руки гостям и повела их к сёстрам. Те закричали как галки и бросились целовать Олю. Горбатая Верочка тоже кричала, и Косте она казалась голым воронёнком, широко раскрывающим жёлтый рот, в ожидании куска. Все барышни были смуглые, с огромными косами, белыми зубами, вздутыми ртами, крошечными усиками, ласковым взглядом выпуклых глаз, восторженными манерами. Подали варенье, прямо в банке, и столовые ложки. Костя не церемонился. Оля съела несколько ягодок. Николай Николаич отказался, объявив, что никогда не ест сладкого. Тогда его стали занимать картинками художественного журнала. Высокая Маша, присев на угол стола и болтая одной ногой, расхваливала рисунки, поднимая к небу близорукие глаза, прижимая кулаки к груди, блаженно улыбаясь. Верочка проделывала то же самое, стоя возле сестры. Потом явилась Мимушка, такая же крупная как и Машенька, и повела Николая Николаича в зал – показывать сорок пород кактусов. Старшая сестра, которой младшие говорили «вы», нежно называя её «Раисочкой», уловила взгляд Оли и, обняв её, шепнула: «Ага!» Та посмотрела на неё с недоумением. Раисочка рассмеялась, укоризненно покачав головой,

и, насильно посадив к себе Олю на колени и легонько щечка её под тальмой, стала шептать ей о том, какое счастье любить и быть любимой. Она прищуривала глаза, которые странно сверкали под длинными ресницами, и сонно улыбалась. Отчего Оля такая скрытная? Она убеждала её во всём признаться и обещала ей своё покровительство. Оля сидела, хмурия брови. Ей было стыдно невыразимо. «Оставьте!.. Что вы!» – произносила она и наконец убежала со слезами на глазах. Прямо была отворена дверь на балкон. Раисочка догнала Олю на повороте в каштановую аллею и любовно обняла и поцеловала. Машенька, с интересом следившая из гостиной за ними, видела, как они скрылись между деревьями, прошли несколько раз взад и вперёд и сели на скамейке, дружески улыбаясь. Костя стал между тем показывать свою силу. Липочка начала бороться с ним и повалила, при всеобщем хохоте и криках. Он поднялся и, насупившись, принялся снова за варенье, презрительно проворчав: «Бабьё». А Николай Николаич беседовал с Мимушкой об астрономии. Она была учёная особа и знала названия планет так же твёрдо как и кактусов.

Уехали от Бруевичевых перед вечером. Все барышни высыпали на крыльцо. Обернувшись, гости видели, как им махали белыми платками, как массивные фигуры девиц, облитые красноватым светом, протягивали выразительно руки, качая головами с сожалением, причём горбунья скрещивала на груди огромные кулаки и нежно закатывала глаза.

После этой поездки Оля стала сдержанно вести себя с Николаем Николаичем и часто краснела. Гуляя в лесу, она старалась идти рядом с братом, упорно потупляя ресницы. Купалась она до чая, когда все спали. Пушкин был снят с полки и усердно читался. Всё больше и больше уходила она в себя, и были дни, когда её видели только за столом, похудевшую и молчаливую.

Гаврила Иванович посмеивался как всегда и рассказывал анекдоты. Костя, по временам, уличал его в произвольном искажении фактов, излагавшихся им прежде не в том порядке, и тогда старичок сердился и угрюмо шевелил бровями. После обеда играли в шашки или карты. Иногда кто-нибудь приезжал.

V

Накануне своих именин, 11 июля, Оля оживилась. Уже с утра лицо её приняло озабоченное выражение.

Войдя в сени, Николай Николаич застал её за делом. Голова её была повязана, рукава засучены. На розовой щеке белела мука. Оля стояла над кадочкой, и локоть её прыгал, рыхлое тесто чмокало. Увидев Николая Николаича, она капризно крикнула, чтоб он уходил.

На другой день собрались гости. Оля получила в подарок флакон одеколона, шёлковую косыночку, серёжки, фунт конфет в стеклянной коробке, ситчику на платье, а от Гав-

рилы Ивановича – полуимпериал. Все находили, что она выросла, стала красавицей. Она улыбалась, застенчиво протягивала мужчинам руку, с женщинами целовалась. Приехал становой, жирный, курносый, в сюртуке с золотым воротником. Он с ликующим видом взглянул на Олю и любезно предложил ей огромный пряник, внесённый, вслед за ним, его рассыльным. Пряник имел форму петуха, с сусальным гребешком. Бруевичевы подарили Оле веер.

Сели за стол в два часа. Пирог вышел редкостный. Все хвалили искусство молодой хозяйки, жадно набивая рот пухлыми кусками, с яичной, рисовой и мясной начинкой, пропитанной маслом. Запивали душистой вишнёвкой, сливянкой, грушовкой. Становой шутил и так смеялся, как будто ржал. Глазки его останавливались на Оле, которая, поджигаемая с одной стороны Липочкой, а с другой – Раисочкой, звонко хохотала, уверяя, шёпотом, что он ужасно похож на «весёлого поросёнка». Она успела осушить две рюмки наливки, чокаясь с гостями. Николай Николаич был серьёзен и не дотрагивался до бутылок, накачивая себя водою, с непонятным прилежанием. Костя был пьян и говорил Липочке глупости, по её словам. Гаврила Иванович, в накрахмаленной рубаше и новом пиджаке, смотрел сначала торжественно и, вооружившись вилкой, широко раскрывал рот над тарелкой, чтобы не капнуть на манишку. Но бледные глаза его становились ласковее и ласковее, и, наконец, он начал всем подмигивать, проливая на грудь вишнёвку. За пирогом был

подан суп с курицей, рыба под белым соусом, дикие утки, настрелянные Грицьком, бланманже с миндальными кольцами.

Гости поели и встали. Становой подошёл к Оле, покачиваясь, и хотел что сказать, но выпучил глаза и громко икнул. Она засмеялась и убежала. Мужчины отправились в гостиную курить. Гаврила Иванович, молодежато поводя плечами и притопывая ножкой, козырем прошёл перед хохочущими барышнями, напевая сладеньким баском: «Туды-суды вон куды!»

Раисочка перехватила на дороге Олю и сказала ей шёпотом, чтоб она принесла в спальню грушовки и пирожного. В спальне расселись как попало – кто на подоконнике, кто у пьальцев. Раисочка забралась на кровать. За общим столом было совестно много есть и пить, и девицы вознаграждали себя теперь за воздержание.

Небо хмурилось. С крыши капал дождь. А в комнате веселье росло. Барышни сбились в тесную кучку вокруг Верочки. Она давала советы, как кокетничать. Она говорила серьёзно, со странным юмором, и обмахивалась Олиным веером, с грациозностью великосветской дамы. Липочка предложила сыграть роль вздыхателя. Она утащила из передней шапку Николая Николаича и, надев её, расшаркалась перед Верочкой, сжав губы, а та любезно кивнула головой, далеко оттянув углы рта. Тогда начался разговор. Липочка восторгалась красотой горбатой Верочки и хвалила её талию. Ве-

рочка презрительно улыбалась и приходила в ужас от усов Липочки. Слово «усы» несколько рассердило Раисочку, у которой пробивались даже бакенбарды, и её поддержала Ми-мушка, находя игру глупой.

– Я другое выдумала... – кричала Раисочка. – Эй, позовите сюда молодых людей... Сейчас устроим живую картину!

После розысков оказалось, что Костя спит в своём чуланчике, среди клеток с птицами, рыболовных и иных сетей. Николая Николаича притащили под руки Липочка и другая барышня, Сквозикова, белокурая, с шалыми глазами, дочь купца, торгующего лесом на пристани.

– Отчего вы ничего не пили? Вы мрачны? Грустите?

Николай Николаич напряжённо улыбнулся.

– Как! Не пить здоровья именинницы?! – воскликнула Раисочка.

– Я только воду... – ответил он, пожимая плечами. – Впрочем, – прибавил он, – если вам угодно, я могу выпить хоть бочку наливки...

Он любезно поклонился в сторону Оли, ухитрившись шаркнуть, несмотря на плен.

– Так дать ему стакан вишнёвки! – приказала Раисочка с театральным жестом.

Ему поднесли, он выпил и охмелел. Барышни стали заигрывать с ним. Его заставили декламировать стихи и объясняться в любви всем поочерёдно. Он хотел это сделать по возможности благовоспитанно, чтоб видна была тонкая шут-

ка; и всякий раз присутствующие шатались от хохота, взвизгивали, широко раскрывая рты, опуская, в слезливом изнеможении, руки. Раисочка требовала, чтоб он доказал свою любовь на деле.

– Целуйте нас... Начните с меня! – кричала она пронзительно, поднося кулаки к груди.

Оля всё время молчала, холодно улыбаясь. Но тут она не выдержала и вмешалась.

– Николай Николаич не маленький, – сказала она строго, – чтоб целоваться со всеми.

– А-а-а! Ну, хорошо! – произнесла Раисочка. – Подите сюда, молодой человек...

Когда он подошёл, она посадила его к себе на одно колено и схватила Олю за талию.

– Помогите, пожалуйста! – крикнула она со сверкающим взглядом.

Олю усадили к ней на другое колено.

– Пусть он поцелуется с одной Олей! – объявила она, сильными пальцами обняв их затылки и сближая лица.

Оба сопротивлялись. Их держали, не позволяя им двинуться. Раисочка смотрела на них, тоскливо прищурившись. Они повернули головы в разные стороны, упёршись руками друг другу в грудь, тяжело дыша...

Вошла Алёна.

– Миколай Миколаич... До вас пріихали...

– Зачем? Кто? – спросила Верочка.

– Якій-сь чоловік.

Раисочка пустила руки. Николай Николаич выбежал как угорелый.

В передней ему поклонился невысокий человек, в свитке с кожаными обшлагами и в красном поясе.

– Игнат!

Игнат усмехнулся и, почесав темя, объяснил, что маменька приказали ехать домой и прислали лошадей.

– Да вже таки и пора! – прибавил он от себя тоном упрёка.

– Хоть сегодня...

Дверца из коридора распахнулась. Появилась Оля, бледная и испуганная, с распустившимися косами.

– Ну, только не сегодня, – сказала она резко. – Ты иди, – обратилась она к Игнату, – на кухню. Алёна тебя накормит... А вы, Николай Николаич...

Она взяла его за руку и торопливо увлекла за собою в коридор.

– Ради Бога, – продолжала она с тревогой, – скажите, неужели вам так надоело у нас?..

– Не то, чтобы...

– Ах, Боже мой!

Пальцы её хрустнули.

– Вас ничто здесь не привлекает?

– Мне очень нравится Безлюдовка, – тихо отвечал он, – я так люблю Костю... И тут отличная охота... Острова – это чудо! Но видите ли...

– Послушайте, – сказала она тоскливо, – я вчера закричала на вас... Простите меня... Так меня мучило это! Мне кажется, вы рассердились...

– Нет!..

– Ну, ну... А зачем вы так много выпили? – спросила она, приближая к нему лицо, с виновным выражением.

– Все, ведь, выпили... Я думал – вам приятно...

– Вы думали?

Он кивнул головой. Она улыбнулась и замолчала.

– Так вы рады, что уезжаете? – начала она опять с тоской.

– Немножко...

Она вздохнула.

– Мне хотелось сказать вам одну тайну, – прошептала она, кладя ему на плечо руку и опуская стыдливо ресницы.

– Говорите.

– Потом, – отвечала она с усилием.

– Когда же?

Она подумала. Губы её дрогнули.

– Вы не раздевайтесь... Я к вам приду ночью... – сказала она нерешительно и выпроводила его, пожав ему руку.

Тучи между тем исчезли, дождь перестал. Солнце горело, косо вытягивая лучи, рассыпая снопы искр по мокрой траве, по листве, и румяня облака, лёгкие как дым.

Гости, после чаю, стали прощаться.

Первый уехал становой. Позднее всех – Бруевичевы. Перед отъездом Раисочка долго шепталась с Олей и целовала

её. Костя встал, выпил полграфина квасу и опять лёг. Гаврила Иванович чувствовал себя нехорошо и не выходил. Николай Николаич бродил из угла в угол.

VI

Ночью Николай Николаич услышал, что его будят. Он раскрыл глаза.

Гостиную заливал какой-то стальной сумрак. Лунный свет лежал на полу неподвижным пятном. Ночь была синяя, прозрачная. Оля стояла у дивана, в своём пёстром костюме, с белым цветком в волосах, наклонив голову.

– Зачем же вы разделись? – прошептала она. – Оденьтесь, я отвернусь... Скорей!

Она подошла к окну.

Но когда она оглянулась, Николай Николаич уже спал, натянув одеяло на голову. Она опять разбудила его.

– Посмотрим на луну! – сказала она, тормоша его.

– На луну?

Он протёр глаза, досадливо вздохнул и стал одеваться.

Севши у окна, он долго молчал и сопел.

– Натек-ка трубу вашу! – сказала Оля весело. – Покажите мне, где тут горы... Прежде я думала, что на луне лицо... Дура, право! А? Ведь, не лицо?

– Какое там лицо! – проворчал Николай Николаич.

Но мало-помалу он разговорился. Он раздвинул свой ин-

струмент и стал объяснять, что луна необитаема, что там нет воздуха, что на ней множество оврагов, горных хребтов и потухших вулканов. Луна одушевила его. Он стал фантазировать и высказал некоторые смелые гипотезы. Может быть, со временем, в огромные телескопы (с дом), на ней откроют развалины погибших городов, или построят воздушный шар и сделают исследования на месте. Для человеческого гения всё возможно.

Оля задумчиво смотрела на небо.

– Пожалуй, там и Безлюдовка была какая-нибудь? – спросила она с серьёзным видом. – И кто-нибудь, вроде меня, жил, жил и всё ждал чего-то, да так и умер?

– Может быть, – отвечал Николай Николаич. – А уж на разных других планетах, например, вот на Венере, – это наверно... Да теперь, конечно, на нашу землю со всех сторон неба смотрят. Тоже люди... Ведь и им любопытно...

Оля с тоскою смотрела вверх, где, среди облаков, серебряных с прозрачными краями, в тёмном небе, сиял диск луны. Николай Николаич, между тем, производил астрономические наблюдения с глубокомысленным видом.

– Вы помните, что я обещала вам сказать? – прошептала Оля.

– Какую-то тайну, – отвечал он небрежно.

Она замолчала. Пальцы её медленно перебирали на груди бусы.

– Проклятые облака! – крикнул Николай Николаич. –

Плывут и плывут. Тут уже ни одной звёздочки не видно. Пойдёмте на горку!

Они отправились на горку. Придя туда, Оля опустилась на скамейку.

– Вы босиком? – спросил Николай Николаич.

– Да, – сказала она.

В лунном сумраке белели её ноги. Николай Николаич сел рядом.

– Поставьте ноги на скамейку...

– Не нужно...

– Как знаете...

Он навёл трубу на ту часть неба, где горели звёзды в тёмной лазури, свободной от облаков. Он смотрел долго и вдруг радостно улыбнулся.

– Не хотите? Звёздочка с хвостом... Вот, вот!..

Оля приблизила глаз и сейчас же отстранилась.

– Да... действительно...

– Это комета. Может быть, я первый её увидел! – произнёс он с гордостью.

Оля вздохнула. Она чувствовала себя одинокой. Лунная даль беспредельно сияла. Серебряный туман фосфорической лентой висел над Десной. Лес темнел как туча.

Николай Николаич опустил трубу и мечтал. По приезде домой, он непременно устроит на чердаке обсерваторию. Следовало бы раздобыть астрономический атлас. Многих созвездий он совсем не знает. Ах, если бы уже скорее сде-

латься учёным – настоящим учёным, с бледным лицом, строгими глазами, умной речью. Скучно ждать!

– Вам, Оля, не холодно?

– Нет, не холодно...

– Поставьте ноги, говорю вам, на скамейку, – сказал он.

Она поставила, застенчиво отряхнув юбку. Николай Николаич нашёл её ногу и сказал:

– Совсем мокрая...

Оля дышала тяжело. Прикосновение пальцев Николая Николаича ожгло её, она вздрогнула.

– Хочу я спросить у вас, – начала Оля, – когда вам будет двадцать лет, не буду я стара?

– Человек стареет на сорок втором году, если верить физиологам, – отвечал Николай Николаич, зевая.

Беседа опять прервалась.

На луну лениво набежало серебряное облачко и закрыло её. Прозрачный сумрак стал дымчатым. Даль потускнела. Яркий туман над Десной погас.

– Что ж вы хотели сказать? – спросил Николай Николаич.

Оля крепко закрыла лицо руками.

– Ах, ах!

– Ну?

– Ничего...

– Вы пошутили!

– Да, – отвечала она тихо, сквозь слёзы.

Он сдвинул трубу и встал.

– Так пойдём... – сказал он. – Мне ужасно спать хочется...

Завтра рано вставать...

– Идите, а я посижу ещё, – прошептала Оля.

– Как угодно, – произнёс он. – Спокойной ночи!

Он пришёл в гостиную и крепко заснул.

Утром его разбудил Игнат, уже собравший его вещи. В столовой весело кипел самовар. Оля сидела на своём месте и торопливо заваривала чай. Она была бледна, глаза её опущены, губы подёргивались. Гаврила Иванович брезгливо сосал трубку и кряхтел. У него болела голова, ныли кости. Он, впрочем, любезно улыбнулся Николаю Николаичу и выразил сожаление, что не может удержать дольше дорогого гостя.

Было ещё очень рано. Тарантасик задремезжал у крыльца. Оля с испугом взглянула в окно и выбежала из столовой, наклонив лицо. Вместо неё, через несколько времени, появилась Алёна с остатками пирога. К концу чая прибежал Костя. Он с сожалением смотрел на друга, аппетитно завтракая, ровно дыша мясистой грудью, покрикивая на прислугу, хвастая, что он один выпил вчера две бутылки наливки.

– Вот если б Белобров увидал, как мы тут пьянствуем! – говорил он, умиляясь.

Вошёл Игнат. Надо спешить ехать, потому что в полдень лошади пристанут. Теперь самая пора. Николай Николаич встал. Он расцеловался с Гаврилой Ивановичем, с Костей и пошёл прощаться с Олей. Но её нигде не оказалось. В гостиной генералы с удивлением выкатывали глаза, кресла и ди-

ваны простирали коротенькие ручки, как бы не пуская гостя. В спальне на ширме сиротливо висел голубой передник Оли. Розы увядали в стеклянной банке. Костя напрасно звал сестру.

– Купаться отправилась – вот что! – сказал он, поднимая брови. – Ведь вот – выбрала время... Бабыё бесчувственное!.. Эх, брат, не верь бабам!.. Прощай, что делать!..

Они долго обнимались, сочно целуясь, пристально глядя друг другу в глаза. Когда Николай Николаич сел в экипаж, Костя выбежал с перепелиным вабиком.

– На, брат. Тебе это нравилось.

Не успели лошади тронуться, как он вскочил на подножку и подал пистолет.

– На и это... Бог с тобой, стреляй, брат!.. Не поминай лихом!

У Николая Николаича на миг шевельнулось желание отдать другу трубу. Но он сдержал порыв и только благодарно улыбнулся.

– Спасибо!

Лошади пошли рысцой. Мелькнули ворота, бревенчатые постройки, огород.

– А бабам не верь! – крикнул в заключение Костя, приложив к обоим углам рта по ладони.

Пыль взвилась. Потянулись огромные, протяжно шумящие берёзы. Жёлтое море спелой ржи волновалось. Николай Николаич думал о том, как он приедет домой, как его встре-

тит мамаша, полная, красивая, с чёрными бровями, мечтательным взглядом, а он прижмётся к её душистым рукам, и его сердце сладостно забьётся. Пистолет лежал рядом. Он придерживал его и самодовольно улыбался.

Вдруг лошади шарахнулись в сторону. Из ржи, раздвигая колосья руками, с криком выбежала Оля. Игнат крепка натянул вожжи, тарантас остановился.

– Что такое? – тревожно спросил Николай Николаич.

– Подождите!!.

Оля запыхалась. Щёки её горели, грудь поднималась высоко.

– Подождите, Николай Николаич, я вам теперь скажу...

– Ну-те, говорите...

Улыбаясь, он до половины высунулся из тарантаса.

– Я жду!..

Она тоскливо смотрела на него.

– Но сначала скажите вы мне что-нибудь...

– Что ж я вам скажу? – спросил он смеясь.

– Неужели ничего не найдётся??

Она ждала. Косы её развязались и упали на плечи.

– Скажите же! – произнесла она, изнемогая от внутренней боли, чувствуя, как слабеют её колени.

– Поклонитесь Бруевичевым! – сказал Николай Николаич, подумав.

Она взглянула на него и побледнела.

– Вы недовольны? – спросил гимназист озабоченно.

– Нет, нет! – растерянно отвечала она. – До свидания...

Вот и отлично... и прекрасно...

– А тайна ваша?.. Всё шутите!

Он сверкнул зубами и развязно погрозил пальцем.

– Да, – отвечала она. – Прощайте.

– Прощайте! Поцелуйте Костю! Трогай, Игнат!

Тарантас покатил. Пыль стлалась медлительно. В её белом облаке едва чернела, шатаясь, точка – удаляющийся экипаж. Наконец, исчезла и она. Лазурное небо, необъятное как бездна, лило потоки ослепительного света. Шумела рожь, кричали птицы. Оля стояла на одном месте, с мёртвым лицом, с потухшими широко раскрытыми глазами.

Ноябрь 1880 г.